

ЯРОСЛАВ Р. ДАШКЕВИЧ — ЭДВАРД ТРЫЯРСКИ

**Армяно-кыпчакская надпись из Львова (1609 г.)
и вопросы изучения средневековых памятников
армянской эпиграфики**

Среди значительной по количеству научной литературы, посвященной армянским колониям восточных земель средневековой Речи Посполитой, работы имеющие отношение к эпиграфике, составляют едва ли не наименее обширную группу. Можно указать лишь несколько научных публикаций армянских надписей — остальной материал сводится к не всегда точным и научно достоверным сведениям.

Бедность эпиграфической литературы бросается в глаза особенно при сравнении с насчитывающей десятки публикаций литературой о средневековых армянских надписях сопредельных восточноевропейских областей — Молдавии, Южной Украины и Крыма, Поволжья. Это положение вызвано несколькими причинами.

Во-первых, повлияло состояние источниковедческой базы средневековой истории армянской диаспоры Восточной Европы. Эпиграфические памятники Поволжья (Болгар, Казань), Крыма (Эски-Крым, Феодосия и другие места), Северного Причерноморья (Белгород), Молдавии (Ботошани, Яссы и другие города) являются в большинстве случаев древнейшим, а в некоторых случаях даже единственным свидетельством существования армянских колоний. Не даром вокруг датировки некоторых из них (например, крымских) до сих пор ведутся ожесточенные споры — ведь от хронологизации эпиграфических памятников зависит правильное определение верхней границы армянской колонизации в ряде мест. Положение с источниками по истории армянских колоний восточных земель средневековой Речи Посполитой сложилось по-другому. При наличии огромных залежей документальных источников XIV—XVIII вв. прошлое колоний разрабатывалось на основании архивных материалов, по отношению к которым эпиграфические памятники всегда находились на втором или даже более далеком плане.

Во-вторых, отрицательную роль сыграло, несомненно, и то обстоятельство, что в момент, когда эпиграфические памятники начали привлекать к себе отдельных исследователей-востоковедов (конец XIX—20-ые гг. XX в.), основная масса памятников этого типа уже погибла. Конечно, они гибли постоянно — на протя-

жении всего средневековья, при чем уничтожались, между прочим, и самыми армянами. Одни из наиболее стойких — лапидарные надписи — гибли, когда древние могильные стелы становились простым строительным материалом. Так случилось, например, в Каменце-Подольском во время строительства армянского собора в половине XVIII в. или во Львове во время ликвидации старого армянского кладбища около церкви св. Анны в 1840 г., когда плиты пошли на строительство пивоваренного завода. Надписи на ювелирных изделиях делили все превратности судьбы средневековых драгоценностей. В дальнейшем, в период гибели и усугубившегося в конце XVIII—начале XIX вв. распада колоний, эпиграфические памятники исчезали в ускоренном темпе. Неизвестный по фамилии корреспондент из Каменца-Подольского, к примеру, сообщил в своем письме от 30 апреля 1852 г. известному славяноведа Измаилу Срезневскому, что «здесь казначей уничтожил много армянских надгробных памятников, из которых осталось только 25»¹. Подобных случаев можно привести больше. Археологические раскопки, имеющие своей целью поиски армянского эпиграфического материала, до сих пор не проводились.

Основной однако — третьей по счету — причиной, отрицательно сказавшейся на разработке вопросов армянской эпиграфики, явилось отсутствие глубокого интереса со стороны востоковедческих кругов к письменным памятникам, создаваемым на восточных (армянском и кыпчакском) языках в среде самых колоний. Для удовлетворения интереса историков вполне хватало источников на более доступных языках — латинском и польском. Источники на армянском и кыпчакском языках, за немногочисленными исключениями, начали становиться объектом пристального изучения как языковедов, так и историков только в течение нескольких последних десятилетий.

В силу изложенных выше причин научная литература по армяноязычной эпиграфике указанной выше территории ограничивается, по существу, несколькими публикациями:

1. Minas B ž š k e a n c', *Čanaparhordut'iw'n 'i Lehastan ew yayl kolmans bnakeals 'i haykazanc' sereloc' 'i naxneac' Ani k'alak'in*, Venetik, 1830. (Автор довольно скрупулезно, хотя и не без досадных ошибок, списал несколько десятков армянских надписей, еще существовавших в начале XIX в. в армянских колониях Восточной Галиции и Восточной Подолии).

2. Friedrich M ü l l e r, *Zwei armenische Inschriften aus Galizien und die Gründungsurkunde der armenischen Kirche in Kamenec-Podolsk*, «Sitzungsberichte der philologisch-historische Klasse der kais. Akademie der Wissenschaften», Bd. 135, 1896, стр. 1—8 (опубликованные две лапидарные надписи из Язловца XVI в.).

3. Иосиф О р б е л и, *Два серебрянные ковша XVI века с армянской и греческой надписями*, «Христианский Восток», т. 5, вып. 1, 1916, стр. 1—13 (опубликована одна надпись; по-видимому, из Львова).

¹ Архив Академии наук СССР, Ленинградское отделение, фонд 216 (И. С р е з н е в с к о г о), опись 4, дело 83.

4. Frédéric MacIer, *Rapport sur une mission scientifique en Galicie et en Bukovine (juillet — août 1925)*, «Revue des Études Arméniennes», t. VII, fasc. 1, 1927, стр. 11—27² (публикация львовских надгробных надписей XV—XVIII вв.).

5. Эдвард Трыярски, *О двух надписях польских армян из города Замостье*, «Patma-banasirakan handes», 1971, № 4, стр. 255—264 (публикация двух надписей на дереве).

Существуют, правда, еще неясные сведения о том, что в конце 20-х гг. XX в. Леон Исакевич подготовлял для печати корпус львовских армянских некропольных надписей³ — работа эта, однако, не увидела света и дальнейшая судьба ее неизвестна.

Безусловно, перечисленными выше пятью работами не исчерпываются все данные из области средневековой эпиграфики армян Польши и Украины. Отрывочные упоминания о надписях, составленных в различных колониях, даже зарисовки или фотографии этих инскрипций распылены по различным изданиям XIX—XX вв. Дать свод этих упоминаний, представляющих, с одной стороны, несомненный научный интерес и являющихся, с другой стороны, также источником ошибок или легендарных сведений, не может быть сейчас нашей целью. В общем можно сказать, что библиография материалов подобного рода (при чем самой древней, кажется, будет публикация латинской эпитафии католика Степанноса V Салмастеци, умершего во Львове в 1552 г., помещенная в книге Ш. Старовольского, *Monumenta Sarmatorum viam universae carnis ingressorum*, Cracoviae 1655, стр. 300) насчитывает несколько десятков позиций и касается памятников Варшавы, Замостья, Львова, Язловца, Снятина, Каменца-Подольского, Студеницы, Могилева и других городов.

Для того, чтобы подчеркнуть с какой осторожностью нужно пользоваться данными из этой области, можно привести хотя бы один пример. М. Бжшкянц в указанной выше книге (на стр. 99) сообщил о найденной во Львове надписи, высеченной маюскулой в черном камне, вложенном в стену колокольни армянского кафедрального собора. Надпись была следующего содержания: «В царствование короля Казимира построили армянские братья (*hay albark'*) этот источник, год 713 (1264)». В буквенном выражении — в соответствие с армянской эрой — год был будто бы обозначен ԶԺԳ — ՇՂԳ. М. Бжшкянц явно допустил ошибку. Хотя он отметил, что «источник был возведен вместе с церковью, как принято у нас, армян», он не сопоставил расшифрованную дату с датой постройки собора. Не поинтересовался он также, о каком короле Казимире идет речь — хотя и указал, что прочел надпись «с большим трудом», а уточнение этого момента могло бы уточнить датировку. В дальнейшем плита с надписью исчезла и проверить сейчас чтение М. Бжшкянца по автопсии невозможно, однако имеются все основания отбросить предложенную им датировку. Король Казимир из надписи — это польский король Казимир III Великий, а сопоставление с датой постройки собора

² Коррективы в чтение некоторых надписей внес Э. Слушкевич; см. его статью *Trzy dokumenty ormiańskie z w. XVII, RO, XXVIII, 2, 1965, стр. 130.*

³ MacIer, *Rapport...*, REA, VII, fasc. 1, 1927, стр. 159—160.

говорит о том, что в действительности дата была выражена буквами ՊԺԳ — PŽG, т. е. 813 год армянского летосчисления, который соответствует 1364/1365 году нашей эры.

Фальшивая дата сообщенная М. Б ж ш к я н ц е м и критически не проверена, тем не менее получила распространение в научной литературе и, в дальнейшем, вызвала не одну путаницу. Дату 713 (1264) г. приводит, в частности, С. Э п р и к - я н в работе *Patkerazard bnašxarhik bařaran*, g. 1, h. 2, Venetik 1907 (стр. 93). Используя данные из книги С. Э п р и к я н а, по-видимому, из второй руки, Т. М а н ь - к о в с к и в работе *Sztuka Ormian lwowskich*, «Prace Komisji Historii Sztuki», t. 6, z. 1, 1934 (стр. 78) говорил о «факте находки в колодце, который находился ранее во дворе дворца архиепископа, около колонны св. Христофора, камня с датой 1264 год», а также о том, что в книге С. Э п р и к я н а «репродуцирован упомянутый выше камень, ныне пропавший». В действительности же, в книге С. Э п р и к я - н а опубликована репродукция совершенно другой надписи (латинско-армянской билингвы 1611 г.), изображение же инскрипции из источника, по-видимому, не сохранилось вообще. Все же фантастическая дата «1264 год» оказалась живучей вплоть до последнего времени. Не так давно Л. М е л и к с е т - Б е к в статье *Из истории армяно-украинских отношений* (в сборнике *Исторические связи и дружба украинского и армянского народов*, Ереван 1961, стр. 50) упоминает, что «в 1264 г. во Львове сооружается фонтан при армянском епископстве с соответствующей надписью...»⁴ Данный случай убедительно свидетельствует о том, что к дошедшим к нашему времени эпиграфическим данным нужен сугубо критический подход.

Активизация работ в области армянской эпиграфики в ее закавказском ареале — видимым признаком чего является начало издания капитальной серии «Свод армянских надписей»⁵ — выдвигает перед востоковедами вполне реальную задачу собрать во едино также все сведения об армянских средневековых инскрипциях, рассеянных по территории восточных земель бывшей Речи Посполитой. При этом необходимо отметить, что, несмотря на все неблагоприятные моменты, до настоящего времени дошло определенное количество неизвестных науке надписей, ожидающих обработки и публикации.

Учитывая данные литературы, а также результаты ознакомления с материальными памятниками, можно говорить о следующих типах надписей, изготовленных в армянских колониях:

⁴ Отрицательное отношение к эпиграфической дате 1264 г. отражено также в статьях Яа. Д а ш к е в у т с х, *L'établissement des Arméniens en Ukraine pendant les XIe—XVIIIe siècles*, REA, N. S., V, 1968, стр. 345; е г о ж е, *Розселення вірменів На Україні в XI—XVIII ст.*, «Український історико-географічний збірник», вип. 1, 1971, стр. 166.

⁵ *Divan hay vimagrut'yan*, p. 1—3, Erevan 1960—1967. Том 1 составлен И. О р б е л и, тома 2—3 — С. Б а р х у д а р я н о м. Существует опасение, что выпуск последующих томов (том 4 находится в типографии, тома 5—7 подготовлены к печати) этого ценнейшего издания задержится из-за смерти С. Б а р х у д а р я н а.

- 1) лапидарные некропольные надписи;
- 2) лапидарные надписи на монументах, памятные таблицы на зданиях, таблицы типа хачкари, возможно — армянские монограммы на каменных элементах построек;
- 3) надписи на росписях, фресках; граффити;
- 4) надписи на деревянных элементах построек;
- 5) надписи на ювелирных изделиях и других металлических микрообъектах, в частности — на утвари церковного назначения, на аптекарском оборудовании (реликвиарии, монстранции, чаши и ковши, посохи, распятия, votivные приношения, котлы, миски и другое);
- 6) надписи на холодном оружии;
- 7) надписи на колоколах;
- 8) надписи на печатях и медалях;
- 9) надписи на иконах и портретах, на специальных памятных таблицах, изготовленных из холста;
- 10) надписи на коврах и золототканых поясах.

С точки зрения языкового разнообразия, господствовавшего в армянских колониях⁶, литературой засвидетельствовано существование эпиграфических памятников на следующих языках:

- а) армянском,
- б) латинском,
- в) польском, к которым присоединяются
- г) латинско-армянские и польско-армянские билингвы.

Поиски эпиграфических памятников, предпринятые в последнее время одним из авторов настоящей статьи (Я.Р.Д.) в музейных коллекциях Львова, привели к обнаружению надписи на еще одном:

- д) кыпчакском языке.

*

Из существующей литературы было уже ранее известно, что во Львове хранятся разные балочные перекрытия с армянскими надписями.

По-видимому, впервые упомянула о них Луция Харевичева, писавшая в 1936 г. в путеводителе по Историческому музею города Львова: «Из сводов старых домов горожан происходят потолочные балки с резными розетами, вырезанными орнаментированными мотивами и армянскими надписями; одна, с датой 1669, происходит из несуществующего сейчас дома по ул. Гродзицких, который ранее являлся собственностью [...] Штанцеля Шольца, а потом находился в собственности

⁶ Сложность языковых отношений в армянских колониях отражают работы: Е. Tryjarski, *Ze studiów nad rękopisami i dialektem kipczackim Ormian polskich. I. O ogólnej sytuacji językowej w gmianach Ormian polskich...*, RO, XXIII, 2, 1960, стр. 7—30; Е. Schütz, *Re-Armenisation and Lexicon. From Armeno-Kipchak back to Armenian*, АОН, XIX, 1966, стр. 99—115.

армянской семьи Яськевичей. В то время, когда дом являлся собственностью одного из них — Ивана — балку вставили в свод дома»⁷. Л. Х а р е в и ч е в а не указывает на источник своих сведений; вполне возможно, что им явились записи в инвентарной книге музея, утерянной в послевоенное время.

По всяком случае, где-то в конце 50-х гг. упомянутую балку увидел искусствовед-кавказовед Дмитрий Г о р д е е в (проживавший тогда в Тбилиси). «Проф. Д. П. Гордеев, побывавший недавно во Львове — докладывал в 1959 г. арменовед Левон М е л и к с е т - Б е к — любезно передал нам список с армянской надписи одного экспоната из Львовского исторического музея. Это резная надпись на балке “з стелі будинку на площі Ринок № 24 у Львові”»⁸ следующего содержания: A[nno] D[omini] 1669 — ԹՎ. ՌՃԺԷ»⁹.

Казалось бы, в этих двух случаях, независимо от того, что указывается различное происхождение балки, имеется в виду одна и та же самая балка с надписью армянскими буквами, датирована 1669 годом.

Ознакомление с резными потолочными балками, которые в настоящее время хранятся в одном из зданий Львовского государственного исторического музея (в помещении на пл. Рынок № 4) убеждает, что в музее действительно имеется балка с резной надписью армянскими буквами (фото 2), однако дата на балке оказалась другой — 1609 г. и ԹՎ. ՌՃԷ = ՌՏԷ = 1058 г. армянского летосчисления. Этот экспонат не имеет инвентарного номера. Найти какие-либо старые его описания не удалось. В музее существует устная традиция, что балка попала в музей во второй половине 40-х годов нашего века, после ремонта, произведенного в доме по пл. Рынок № 24 (т. е. данная версия соответствует сообщению Д. Г о р д е е в а). Никаких других резных балок с армянскими надписями в музее разыскать не удалось, тем не менее как-то не верится, что эта балка 1609 г. идентична с балкой 1669 г., упоминаемой прежними исследователями.

Таким образом, вопрос о происхождении и идентификации балки остается открытым. В связи с тем, что из трех исследователей, упоминавших ранее о балке 1669 г., никого уже нет в живых, а другой письменный материал, относящийся к данному случаю, разыскать не удалось, вред ли существует сейчас возможность решить вопрос окончательно и вполне удовлетворительным образом.

При ознакомлении с надписью на месте сразу же бросилось в глаза, что она составлена не на армянском (как писали прежние авторы), а на кыпчакском языке (фото 3, 4), т. е. что перед нами первый и единственный известный до сих пор памятник армяно-кыпчакской эпиграфики.

⁷ Ł. Charewiczowa, *Muzeum Historyczne Miasta Lwowa. Przewodnik po zbiorach*, Lwów 1936, стр. 21.

⁸ Л. М е л и к с е т - Б е к цитировал в данном случае текст из записки Д. Г о р д е е в а.

⁹ Л. М е л и к с е т - Б е к, цит. выше в тексте статья, стр. 51. Буквенное обозначение года — это ՌՃՅԷ = 1118 г. армянского летосчисления (действительно соответствует 1668/1669 г.).

Открытие надписи на армяно-кыпчакском языке является интересным фактом как для истории культуры армянских колоний, так и для восточной эпиграфики и тюркологии. Следует отметить, что — хотя нам уже известны, с одной стороны, армяно-кыпчакские переводы псалмов (данная надпись 1609 г. состоит из фрагментов псалма СХХ)¹⁰, а, с другой стороны, также, с недавнего времени, подобные надписи на балках¹¹ — в данном случае речь идет о тексте-уникате. В действительности мы имеем дело с новым жанром армяно-кыпчакской словесности, упоминание о котором не смогли включить в свою работу авторы недавно опубликованного очерка истории армяно-кыпчакской литературы¹². Настоящий текст, хотя и короткий по сравнению с другими, содержит новые элементы, заслуживающие внимания. Они касаются как наружного, графического, вида, так и внутреннего, лингвистического, характера надписи.

Несколько формально-описательных деталей о самой надписи (ср. фотографии). Общая длина балки с инскрипцией — 311 см. Надписи расположены по ее боковым поверхностям шириной в 24 см. (в самых широких местах — т. е. у концов и по средние балки). Ширина балки с нижней стороны, в центре которой имеется т. наз. гмерк, т. е. мещанский герб армянского горожанина, 17 см. (фото 1). Сохранность балки и надписи (за исключением всего лишь двух букв, требующих реконструкции) хорошая. Дерево несколько раз покрывалось коричневой краской, впрочем, не затрудняющей чтение букв. Заметна тщательная и умелая рука армянского мастера-резчика, благодаря которому надпись образует одновременно художественный декоративный элемент.

Надписи расположены по обеим сторонам балки (вероятно, перекладины), украшенной профилирующим орнаментом, совсем напоминающим такие же элементы на потолочных балках из Замостья. Высота букв, в основном, 6 см.

Гмерк, вырезанный внизу, состоит из армянской монограммы и креста. Он имеет следующие очертания (см. фото 1): . Монограмма формально легко поддается расшифровке, так как она состоит — в соответствии с пособием А. Абагяна, *Hay gri ev grč'ut'yan patmut'yun*, Ереван 1959, стр. 306 — из известной лигатуры (*NAV*, или же, в соответствии с западно-армянским произношением, *NAP* и, отдельно буквы $\mathcal{S} = T$, в западноармянском *D*). Однако более глубокий смысл монограммы, которая, в данном случае, несомненно является знаком («гер-

¹⁰ До сих пор публиковались единичные тексты псалмов, фрагменты из них или просто сообщалось о существовании подобных текстов. Ср. F. von K r a e l i t z - G r e i f e n h o r s t, *Sprachprobe eines armenisch-tatarischen Dialektes in Polen*, WZKM, XXVI, 1912, стр. 307—324; Z. D u b i ŋ s k a, *Z badań nad psalterzami ormiańskimi w języku kipczackim*, „Przegląd Orientalistyczny” 2 (38), 1961, стр. 203—214; E. S c h ü t z, *An Armeno-Kipchak Print from Lvov*, АОН, XIII, 1—2, 1961, стр. 123—130; е г о ж е, *Armeno-Kipchak Texts from Lvov (A.D. 1618)*, АОН, 15, 1—3, 1962, стр. 291—309.

¹¹ Э. Трыярски, *О двух надписях...*

¹² J. D e n y e t E. T r y j a r s k i, *La littérature arméno-kipchak* в: PhTF, 2, 1964, стр. 801—808.

бом») владельца дома, остается неизвестным. Гмерк аналогичных очертаний неизвестен из других источников — в частности, из печатей львовских армян¹³ — так что вопрос о его принадлежности (в данном случае раскрытие его открыло бы перед нами заказчика надписи) также остается открытым.

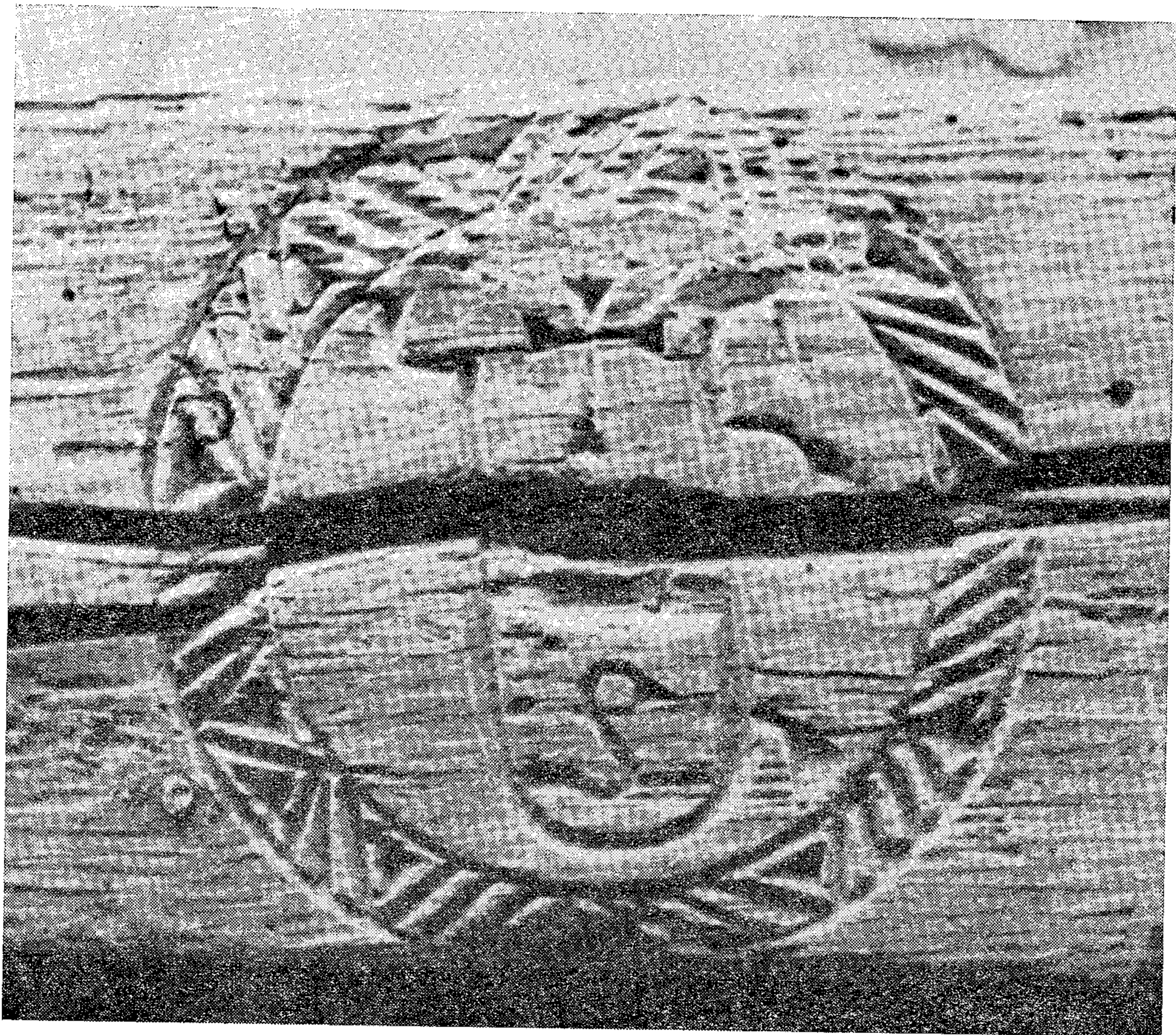

Фото 1
Гмерк — монограмма

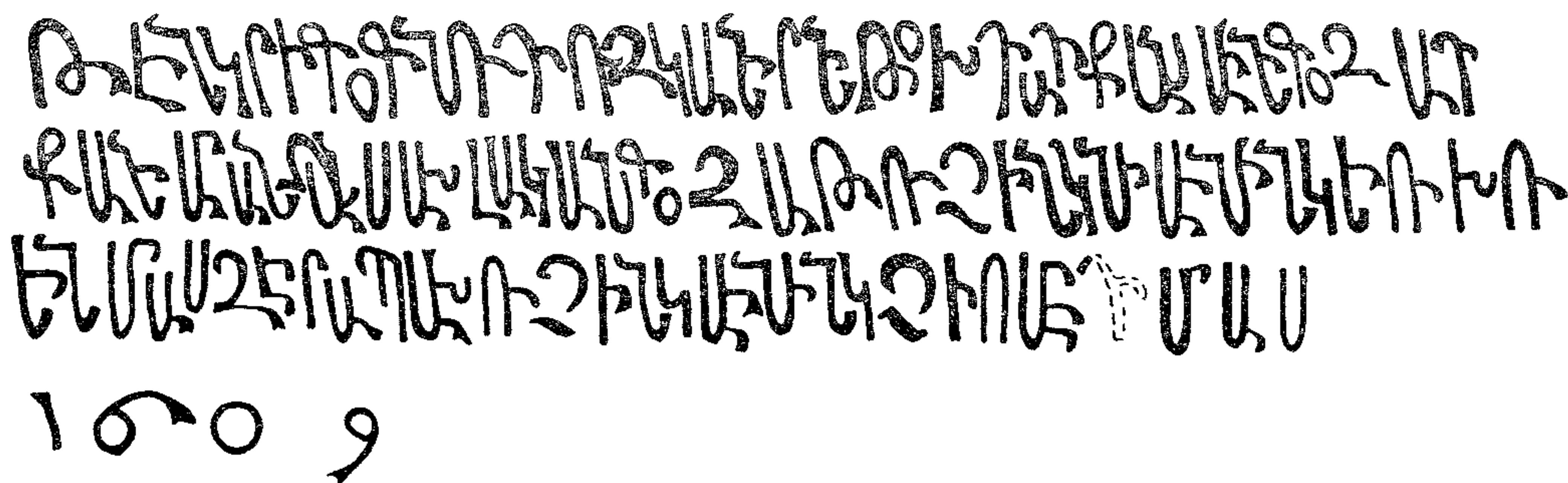
Локализация надписи, тем более, если учитывать ее содержание, не вызывает удивления. Как известно, надписи, помещаемые в жилых домах и имеющие вид девизов, максим, цитат занимали значительное место в армянской традиции. Нет ничего странного в том, что инскрипции подобного рода встречались также в культурной жизни представителей армянских колоний — как проявление старинного

¹³ Сравни таблицу гмерков в статье Я. Д а ш к е в и ч а, *Армянские печати на Украине (XVI—XVIII вв.)*, которая печатается в очередном томе сборника «Нумизматика и сфрагистика» (Киев).

Надпись состоит из 182 знаков (букв и лигатур) и одного только знака препинания (армянская точка), а также даты, написанной «арабскими» цифрами. Как и в надписи на армянском языке из Замостья, употребляются исключительно прописные буквы, но, в противоположность ей, отсутствуют знаки препинания между словами. Другая, несомненно более крупная разница, состоит в частом употреблении лигатур, что представляется совершенно новой чертой по сравнению со всеми опубликованными до сих пор армяно-кыпчакскими текстами. Причина употребления лигатур объясняется легко: она вытекает из потребности поместить относительно длинный текст на плоскостях, ограниченных размерами бревна. О том, что задача была не из легких, свидетельствует тот факт, что резчику пришлось перенести несколько конечных букв из обеих строк ниже главного текста (см. фото 3, 4).

В надписи употребляются следующие лигатуры: $\mathfrak{u}$ = *u*, $\mathfrak{ni}$ = *ni*, $\mathfrak{nie}$ = *nie*, $\mathfrak{ni}$ = *ni*, $\mathfrak{si}$ = *si*, $\mathfrak{ax}$ = *ax*, $\mathfrak{any}$ (?) = *any* (?) $\mathfrak{mre}$ = *mre*, $\mathfrak{nu}$ = *nu*¹⁶.

Сторона А

¹⁵ П. Г. Ю р ч е н к о, *Дерев'яна архітектура України*, Київ 1970, стр. 154—155.

9*

Сторона Б

1. በሥራ ሂደቱ ውስጥ የሚገኙ የሥራ ሰዓት ለማሳደግ
 ማድረግ ይቻላል፡፡
 2. የሥራ ሰዓት ለማሳደግ የሚገኙ የሥራ ሰዓት
 ለማሳደግ ይቻላል፡፡
 3. የሥራ ሰዓት ለማሳደግ የሚገኙ የሥራ ሰዓት
 ለማሳደግ ይቻላል፡፡
 4. የሥራ ሰዓት ለማሳደግ የሚገኙ የሥራ ሰዓት
 ለማሳደግ ይቻላል፡፡
 5. የሥራ ሰዓት ለማሳደግ የሚገኙ የሥራ ሰዓት
 ለማሳደግ ይቻላል፡፡

Текст прорисовки расшифровывается армянским шрифтом (с сохранением лигатур) следующим образом:

Сторона А

ጦኔኒሃቡ ሞግህቡ ጉቡደሃሁኖኖ ጦዕከጉሃጉ-
 ቆሄ ሊኔ ሞግህጉቆሄኔ ለሀኒቂ ሀሄሊሀሃሀ
 ሞግህጦቡደኑሃህ ለህኑሃ ህቡከቡ ህህሀሀ
 ደኑሀ ገሄቡደኑሃ ለህኑሃ ደኑሀ ገሀሀሀሀ
 1609

Сторона Б

ԿՌԻՆԱՇՄԻՆԿ ԻՄԻՍ ՔՌԻՆՏՈՒԶ ԽԸԶՏԸՐ-
ՄԱՍ ՏԱ ՆԷ ՔԷԶԱ ԱՅՄԻՆ ՍՕԿՐԻԽՈՒ ՕԴՄ
ՄԱՍ ԵԱՍԱԼՏԸ ՇԱՂԱԿԱԴԸՆՏԱՆ ՊԻՅ
ԹԷՆԿՐԻՆԻՆԿ ԹՎ ՌԾԸ:

В данном тексте, несомненно, имеются дискуссионные места, связанные, в частности, с расшифровкой и транскрипцией отдельных лигатур. В соответствие с принятой нами системой транскрипции, предлагается следующее чтение текста:

Сторона А

*t'èngri koknu tuzgan ièrni t'oxatk'an ya sèni kozatk'an iamandan
saxlagan kozat'uçingni sèning iuxu ienmas zèra baхuçing is[r]a[y]èlning
çiomr ètmas 1609*

Сторона Б

*[g]unaşning isisi k'unduz xizdirmas da nè k'èça aynin sovuxu otmmas
iasaldî şayavat'indan biy t'èngrining t'v[aganin] rdzi [= 1058]*

Перевод (сторона А и Б)

«Господь, сотворивший небо, укрепивший землю, стерегущий, оберегающий тебя от зла. Твоего сторожа сон не победит, се не дремлет страж Израйла 1609. Жара солнца днем не изжарит, ни холод луны ночью не поразит (ударит). Он [= дом] построен по милости Господа. Дата 1058».

Как видно, это текст религиозного характера, написанный с религиозной интенцией. Более подробный анализ показывает, что это фрагменты текста Библии, а именно псалма СХХ („Levavi oculos meos in montes...”). Инскрипция состоит из двух фрагментов вышеупомянутого псалма, после которых следует приписка, приспособляющая надпись к данному обстоятельству («построен по милости Господа»). Она несомненно касается здания, в котором помещалась надпись. Не исключено, что приписка эта представляет собой также фрагмент библейского текста, но его точная идентификация довольно затруднительна. К тексту добавляется дата «1609», обозначающая, по всей вероятности, год окончания постройки. Дата повторяется по армянскому летосчислению на другой стороне балки (*ԹՎ Ռ = 1058*).

Интересно было бы определить из которого, в частности, армяно-кыпчакского перевода псалмов почерпнуты эти цитаты или же, может быть, речь идет о новом, самостоятельном переводе. Как известно, существует пять рукописей, содержащих армяно-кыпчакские переводы псалмов, которые иногда сильно отличаются друг от друга. Поскольку эти рукописи до сих пор не изданы, вопрос нуждается в дополнительном изучении. Мы в состоянии привести здесь соответствующий фрагмент всего лишь одного перевода, а именно:

*«(boluşlux mangay éyamzdan kèlgay) k'i ètdi kokni da ièrni... iuxlamagay kozatıng
sèning. nèçik' iuxlamas da nè iuxlama barir saxlovuçisi I[srayèl]ning. ... Gunaş
gunduz sanga iazix ètmagay da nè ayi kèçay».*

Сравнение надписи с латинским текстом (так называемой «Вульгатой», которая в данном случае оказывается также полезной)¹⁷, свидетельствует о точности и лов-

¹⁷ По З. Д у б и н с к о й все армяно-кыпчакские псалтыри переведены из армянского канона, цит. раб., стр. 209.

кости употребляемого в надписи перевода, который не имеет ничего общего с приведенным выше. Сравнение с другими армяно-кыпчакскими переводами, а также определение возможного первоисточника из числа армянских, латинских или польских¹⁸ переводов — дело будущего детального анализа.

Язык надписи соответствует, с некоторыми исключениями, норме изданных до сих пор рукописных текстов. Отклонением от нормы является форма *otmmas* (от глагола *ot-*; *ōt-* '1. разбивать, толочь, размельчать, крошить. 2. (Osm.) ударить, толкнуть', В. В. Р а д л о в, *Опыт словаря тюркских наречий*), в котором одно *-т-* может быть ошибкой резчика (если оно не стоит вместо *-та-*?). Обращает внимание существование двух лигатур для *nī*. Хлопоты вызывает правильное чтение лигатур, объединяющих два соседних слова: здесь как будто видна буква *l* (читаем: *ya*). Ее присутствие здесь в качестве чистого графического знака кажется маловероятным. Вместо *a[n]* *ya sēnī* хотелось бы увидеть здесь *ayaχīmni* 'мою ногу' (слово «нога» находится в оригинальном тексте и во всех доступных нам переводах), написанное максимально сокращенным способом, приближающемся к монограмме. Тем не менее, для подобного чтения не хватает все же буквы *h*. Подобный характер имеет лигатура-монограмма для слова *Is[r]a[y]ēl..*

Лексика надписи известна из ранее опубликованных текстов. Исключение представляет только вышеупомянутый глагол *ot-*. Надпись позволяет уточнить значение слов *čirīm* и *čirīm ēt-*, имеющих здесь вид *čiomr [-r?] ēt-*. Ж. Д е н и перевел слово *čirīm* как 'profond sommeil' (*L'arméno-coman et les «Ephémérides» de Kamieniec 1604—1613*, стр. 49), но это слово в луцком и галицком диалектах караимского языка имеет, по А. М а р д к о в и ч у (А. M a r d k o w i c z, *Karaj sez-bitigi. Słownik karaimski. Karaimisches Wörterbuch*, стр. 20), значение 'drzemka, sen / Schlummer' — 'легкий (короткий) сон'. Сравнение данного фрагмента с другими переводами, особенно польским («zdrzymnie»), доказывает, что значение этого слова в армяно-кыпчакском языке соответствует его значению в луцко-галицком диалекте караимского языка.

*

Учитывая ареал и характер распространения армяно-кыпчакского языка в XVI—XVII вв., кажется маловероятным, чтоб надписи на этом языке составлялись только в единичных, каких-то исключительных случаях. Можно почти с полной уверенностью сказать, что углубление изучения средневековых эпиграфических памятников армян Польши и Украины принесет открытие также других инскрипций на армяно-кыпчакском языке и расширит, таким образом, представление о сферах его употребления.

¹⁸ Ср. перевод Я. В у е к а, а также перевод-парафразу Я. К о х а н о в - с к о г о.

*

П р и м е ч а н и е. Несмотря на выраженный выше скептицизм, удалось окончательно определить, что описанная нами балка 1609 г. не идентична с балкой 1669 г. В работе В. Лозинского (W. Łozński, *Sztuka lwowska w XVI i XVII wieku, Architektura i rzeźba*, wyd. wznowione, Lwów 1901), на стр. 92 репродуцируется рисунок балки из дома Штенцеля Шольца с обозначением 1669 года — совершенно отличной от балки фотографии которой приводятся в данной статье.

О подготовке данной публикации (сданной в издательство в ноябре 1971 г.) было сообщено предварительно в „Историко-филологическом журнале” в 1971 году (№ 4/55), стр. 259. Приходится сожалеть, что только накануне окончания печатания данного выпуска РО нами получено сообщение И. Абдуллина, *Армяно-кыпчакская эпиграфика*, помещенное в сборнике *Тезисы докладов итоговли научной сессии за 1972 год*, Казань 1973, стр. 48—52. В нем предлагается чтение надписи 1609 г. заметно отличающееся от нашего.

Глоссарий

ay ‘луна’
 baḫuṣi ‘страж’
 biy ‘Господь, Бог’
 čiomr̥ ēt- ‘дремать’
 da ‘и’
 [g]unaš ‘солнце’
 isi ‘жара’
 is[r]a[y]ēl ‘Израиль’
 iaman ‘зло’
 iasal- ‘быть построенным’
 ien- ‘победить’
 ier ‘земля’
 iuxu ‘сон’
 k’ēča ‘ночь, ночью’
 kok ‘небо’
 kozat- ‘оберегать, хранить’
 kozatuṣi ‘оберегающий, сторож’

k’unduz ‘день, днем’
 χīzdīr- ‘изжарить’
 nē ‘что’
 nīe ‘не, ни’
 ol: aning ‘он’
 ot- ‘ударить, поразить’
 saχla- ‘хранить’
 sēn: sēni, sēning ‘ты’
 sovux ‘холод’
 šayavat ‘милость’
 t’ēngri ‘Бог’
 toχtat- ‘укрепить’
 tuz- ‘сотворить’
 t’v[agan] ‘дата’
 ya ‘или’
 zēra ‘так как, воистину’